

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИЯ МАРКЕС — ВЕРНЫЙ ОРУЖЕНОСЕЦ КУБИНСКОГО ПАТРИАРХА

Художникам свойственно,
но непростительно ошибаться

Никита Шейхали

Портрет

И — ПОСЛЕДНИЙ интелектуал Латинской Америки, кто публично и по любому поводу защищает кубинский режим, который прошел долгий — и, к сожалению, типичный — путь от революционного романтизма к казарменному социализму, с единоличной диктатурой Команданте Фиделя, с подавлением любых проявлений инакомыслия. Известные писатели региона в свое время призвали Фиделя провести на Кубе всеобщие выборы — так, как это сделал Аугусто Пиночет в Чили. Гарсиа Маркес высказал прямо противоположную мысль: тридцать два года кастровского правления только на пользу и «острову Свободы», и всей Латинской Америке. В регионе, где к слову писателя прислушивались всегда с особым почтением (здесь есть что-то сходное с ролью писателей в России), позиция автора книг, ставших классикой мировой литературы, не может пройти незамеченной.

Чтобы не выглядеть полным ортодоксом, Габриэль допускает, что «на Кубе необходимы глубокие реформы, например, большая демократизация общества». И тут же, спохватившись, добавляет: «Ошибочно полагать, что если этих реформ и не будет, то на Кубе произойдет такое же восстание, как в Румынии... У Фиделя достаточно внутренняя поддержка, чтобы предотвратить его». Получается, стареющий Команданте еще достаточно силен, чтобы и дальше толкать свой народ на новые жертвы «по пути социализма», не страшась «эффекта Чаушеску». А «народ безмолвствует»?..

Габриэлю ли не знать, что кубинский народ не безмолвствует, и не ему ли лучше других знать структуру, сотканную из служб безопасности и военных подразделений, которая превратила райский остров в место, где о политике откровенно с тобой будут говорить только шепотом, с глазу на глаз, предвзвешенно открыв водопроводный кран для шумовой завесы? Но писатель объясняет «некоторое отсутствие демократии» на Кубе исключительно соседством Соединенных Штатов. И тут же, зная психологию своего борющегося друга, предостерегает: «Ошибочно думать, что Фидель падет от удушья, к которому стремятся Соединенные Штаты. У него просто не останется иной альтернативы, кроме сопротивления».

Долгие годы обитая в роскошном политическом убежище

«Самое величественное, что произошло в истории Латинской Америки, — это кубинская революция. Я так говорю не из магии, а потому, что действительно в этом убежден». Эти слова принадлежат лауреату Нобелевской премии в области литературы Габриэлю Гарсиа Маркесу. Всемирно известный колумбиец знает о том, что происходит внутри «последнего бастиона социализма» не понаслышке. Впервые приехав на остров двадцать дней спустя после революции, с тех пор он постоянно навещался туда и вплоть до последнего времени проводил в Гаване по полгода. Фидель Кастро считает его своим личным другом. Габриэль отвечает ему взаимностью.

время его речами, интервью кубинцы зачитывались, даже когда видели, что речи эти далеки от их повседневной жизни. Рубеж наступил, когда в декабре восемьдесят девятого Команданте, блестящий импровизатор, стал зачитывать текст по бумажке, закончив его странным лозунгом «Социализм или смерть!». Гипноз больше не действовал. А ведь раньше, бывало, под ним находились все, начиная с делегатов съездов КПСС в семидесятые, когда экспрессивно звучащие здравия Фиделя казались чем-то очень живым на мертвом фоне заготовленных отчетов, и кончая футболистом Диего Марадоной. Как-то они провели вместе с Фиделем полночь за беседой, Диего снял с себя майку под номером десять и подарил отцу кубинского спорта («Мы поместим ее в музей», — обрадовался Фидель), буквально упробив в обмен знаменитую шапку с козырьком, после чего поделился с журналистами: «Фидель — это соблазнитель. Он знает это и делает все, чтобы достичь цели».

«Словесный соблазнитель» Фидель как-то признался Гарсиа Маркесу, что если бы верна была индуистская религия и впереди у него были бы другие жизни, то в своем следующем воплощении Главнокомандующий неизменно хотел бы быть писателем. А Габриэль, оказавшись, мечтает вот о чем: «Я хочу заниматься политической работой, чтобы сдерживать натиск империализма».

Автор «Осени патриарха» рассказывает о Фиделе как о «ненасытном читателе», который берет книгу, чтобы погрузиться в нее с головой. Трудно представить, как это ему удается: по признанию самого Кастро, он обычно не имеет другого времени для чтения, кроме как в автомобиле. Однако в любом случае своего друга Команданте читает дотошно. То подсчитывает, что в «Рассказах о кораблекрушении» неправильно вычислена скорость движения лодки, то укажет на грубую ошибку в описании охотничьего ружья в «Хронике объявленной смерти».

В свою очередь, мастер, создавший неподражаемые «Сто лет одиночества», внимательно наблюдает за каждым шагом некоронованного короля Кубы.

просто не может позволить себе в этом признаться, то зачем это все нужно Габито? Вопрос, на который никто не может найти ответа. Быть может, это дань оригинальности?

В 1957 году молодой колумбийский журналист приехал на Московский фестиваль молодежи и студентов. Разочаровавшись в увиденном, он послал на родину серию довольно критических репортажей, впрочем, одобренных оптимистическими оценками скорого советского будущего. Оценки не оправдались, а к Гарсиа Маркесу в Советском Союзе некоторое время было осторожное отношение официальных властей. Теперь он бравирует этим: «Меня все еще считают антисоветчиком, мелким буржуа, ревизионистом. А я социалист. И если советская перестройка победит, то это будет величайшим событием двадцатого века».

Щедро раздавая обещания в грядущем величии кубинской революции и советской перестройки, он вместе с тем обижается, когда ему говорят, что Куба — это сателлит Москвы: «Достаточно поговорить с Фиделем одну минуту, чтобы понять, что он никому не подчиняется». И в этом писатель, безусловно, прав.

Однажды, интервьюируя Гарсиа Маркеса, известный советский тележурналист-международник, решив вдруг блеснуть знанием испанского языка, обратился к писателю: «Компаньеро Маркес». То, что его окрестили «товарищем», не понравилось Габриэлю. «Господин Маркес», — поправил он, покусывая ус от раздражения. Но в Латинской Америке оговорку нашего журналиста поддержали бы многие. Когда разговор выходит за рамки бесспорного литературного дарования колумбийца и переходит к его политическим высказываниям, многие говорят, улыбаясь: «Маркес балуется марксизмом, желая превратить его в латиноамериканский марксизм».

Да, этот замечательный писатель Гарсиа Маркес оказывал финансовую поддержку венесуэльской марксистско-ленинской организации МАС. Да, это он назвал американское присутствие в Панаме «политическим, историческим и военным тупоумием, которое бесцельно тратит наше время». Да, это он про-

НГ

13.11.91

с. 7

30

противления».

Долгие годы обитая в роскошном политическом убежище, Габито занимался не только фантастическим реализмом, но и создал приобретший вскоре большую популярность Институт нового латиноамериканского кино. Каждую неделю его статьи появлялись в гаванской молодежной газете «Хувентуд ребельде», где пределом его критических замечаний было недовольство частыми поломками лифтов в кубинской столице, хотя даже об этом он писал мастерски. От него все время ждали большего. Чуда, однако, не произошло.

По части журналистского мастерства у Габриэля не было на Кубе конкурентов, кроме... самого Фиделя. До последнего

наблюдает за каждым шагом некоронованного короля Кубы. И наконец выносит приговор: «Как каждый властитель он одинок и страдает от этого». Эта фраза, похоже, задевает Фиделя. Наверное, потому, что писатель не мог не заметить одну из самых уязвимых точек диктатора. Только вот зачем об этом вслух? Кастро вынужден произносить дежурные фразы, что он не одинок вместе со своим горячо любимым народом, но все-таки не выдерживает: «Да, иногда мне хочется просто постоять на гаванской набережной».

Если для Фиделя строительство социализма на отдельно взятом острове — дело всей его жизни, и даже теперь, вид всю тщетность усилий, он

ским, историческим и военным тупоумием, которое бесчестит наше время». Да, это он провозглашает, что «в ближайшие пятьдесят лет коммунизм возторжествует на всей планете».

А вы знаете, какая у него заветная мечта? Судя по его словам, «фигурировать в Советской Энциклопедии. Ведь она, и только она сможет донести эхо сегодняшней литературы до будущего». Первая аналогия — с подчеркнутым оригинальничаньем Сальвадора Дали. Но там хоть все было уточнено...

В то время как в интервью агентству Франс Пресс писатель говорит, что вручение Нобелевской премии прошло для него без всяких приятных волнений, он вспоминает, что врученная ему Тодором Живковым премия имени Димитрова — «это слишком великая честь для меня».

Габито — либерал и социалист, когда идет по Елисейским полям навстречу очередной порции комплиментов от Франсуа Миттерана. Но когда он рассуждает о сегодняшнем дне Кубы, ему больше подходит оценка, данная чилийским журналом «Ой»: «Время от времени он берет на вооружение неосталинизм, приправленный цинизмом и лиризмом».

Гарсиа Маркес, и это хорошо известно, просил Фиделя освободить некоторых кубинских политических заключенных. Но вряд ли для оставшихся тысяч узников совести будет утешительной его фраза: «Гораздо более полная информация и политическая зрелость позволяют мне смотреть на ситуацию более спокойно, умиротворенно и человечно».

Конечно, убежденность писателя в любом случае вызывает уважение. Но мотивы его дружбы с диктатором, самовольно присвоившим себе право распоряжаться судьбой своего народа и треть века говорить от его имени, все же более чем уязвимы: «Я всегда говорю моим друзьям, которые хотели бы, чтобы я порвал с Фиделем, для Латинской Америки гораздо важнее, чтобы я остался его приятелем».

...Когда талантливого художника тянет в политику — это порой просто печальное зрелище.